

честве и чьи бледные образы эпигонов заслонены яркими фигурами Феодора Метохита и Григория Паламы, Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина. Между тем, деятельность многих десятков таких, пусть скромных и «неоригинальных» писателей также создавала интеллектуальную атмосферу византийского общества XIV в., и поэтому заслуживает международного внимания исследователей.

С. П. Карпов

Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Том I. Грамоти, записи и друга документарна граѓа за манастирите и црквите во Скопската област. Скопје, 1975, 500 с.

Выпущенный под редакцией проф. В. А. Мошина том открывает новую серию публикаций Архива Македонии, посвященную историческим памятникам эпохи развития феодализма, т. е. той поры, когда эти районы Балканского полуострова входили в состав Византийской империи, Сербского и Болгарского государств или местных княжеств. Новая серия будет включать издания, построенные по локальному (как первый том), хронологическому (как подготавливаемый второй том, в котором будет рассмотрена международная обстановка конца XIII—начала XIV вв.) или персональному принципу (переписка Феофилакта Охридского, Дмитрия Хоматиана). В соответствии с этими задачами первый том объединяет источниковедческие очерки и публикации текстов, относящихся к истории г. Скопье и его окрестностей на протяжении XI—XIV вв. Поскольку эта область находилась (с перерывами) вплоть до 1282 г. под властью Византии, актовые и эпиграфические памятники первого тома представляют большой интерес для истории Византии, Сербии, сербо-византийских и болгаро-византийских отношений (главным образом в XII—XIV вв.), в особенности — для анализа социально-экономических процессов той поры, истории земельной собственности церкви и монастырей (как местных, так и афонских, т. е. Хиландаря и его метохов), их привилегий, податной системы и т. д.

Большая часть памятников, вошедших в первый том, уже была издана, в некоторых случаях даже неоднократно, однако нередко текст их был напечатан в сокращенном, с заметными пропусками, без подробных научных комментариев. Иногда надлежавшему использованию этих источников препятствовала неразработанность важных источниковедческих вопросов (проблем датировки, подлинности и т. п.), отсутствие тщательной проверки упоминаемых в грамотах многочисленных населенных пунктов (речь идет не только о проверке их названий, но и об уточнении местонахождения, что имеет большое значение для изучения истории землевладения той поры), а также их сопоставления в должном объеме с аналогичными византийскими и южнославянскими актами, относящимися к тем же монастырям или той же территории. Поэтому текст источников, публикуемых теперь заново, воспроизводится с учетом требований современной дипломатики, тщательно сверен с оригиналами (или их фотографиями, разумеется, за исключением тех случаев, когда грамота уже утеряна: см., например, с. 251, 271, 293 и 359 — об актах, не сохранившихся в Хиландарском архиве); текст сопровождается обстоятельным комментарием и специальными очерками или разделами, где дается характеристика прежних изданий, рассматриваются проблемы датировки, подлинности, состава, источников, наконец, местонахождения соответствующих селений, метохов и монастырей.

Таким очеркам, посвященным отдельным монастырям Скопской области и их грамотам и надписям XII—XIV вв., предпосланы статьи обзорного характера (Т. Томоского — об истории этой области в XI—XIV вв., и К. Петрова — о церковных памятниках г. Скопье и его окрестностей). Вслед за кратким очерком о церкви св. Пантелеймона в с. Нерези, получившей широкую известность, благодаря своим фрескам XII в. (здесь на с. 90—91 издана греческая надпись ктиторы — Алексея Ангела от сентября 1164 г.), следует наиболее интересная и самая обширная публикация — текст трех жалованных грамот, дарованных одному из самых крупных и богатых монастырей северной Македонии — обители св. Георгия Горга (Скопского или Виргинского, как иногда указывается в литературе). Как известно, особое внимание исследователей привлекали наиболее ранние и подробные из этих грамот, изданные болгарским царем Константином Асенем (по мнению В. А. Мошина, в начале 1258 г. — см. с. 123) и сербским королем Стефаном Урошем II Милутином (в 6833 г. от сотворения мира, что обычно в литературе переводится как 1300 г.). Общеизвестно богатство данных актов разнообразными свидетельствами по истории византийско-славянских отношений, по социально-экономической истории было причиной не только постоянного использования их в историографии, но и оживленных дискуссий и длительной полемики. Особые споры вызывало время создания монастыря и идентификация его августейших дарителей (монастырь св. Георгия был основан в XI в. Романом Аргиром и пользовался благоволением Романа Диогена, Алексея I Комнина и других византийских императоров), местонахождение обители (см. с. 242—247), особенности же — датировка грамоты Константина Асеня (так называемой Виргинской) и проблема ее подлинности¹. В вводной статье (с. 97—177) В. А. Мошин убедительно

¹ Горина Л. В. К вопросу о подлинности Виргинской грамоты. — «Славянское славяноведение», 1965, № 5.

подтверждает подлинность Виргинской грамоты (на основании палеографического, дипломатического и лингвистического анализа), сопоставляет ее с грамотой Милутина (как в плане прослеживания перемен в размерах и расположении земельных вложений монастыря св. Георгия, так и в плане историко-правовых отношений, влияния византийского права на северной Македонии и Сербии XIV в.), касаясь так же судеб данного монастыря в XIV—XV вв. в связи с грамотой, изданной в 1377 г. Вуком Бранковичем Хиландарю. Весьма полезным дополнением этой статьи служит обстоятельный комментарий к названным трем грамотам (текст их издан на с. 181—241), где даны пояснения к встречающимся в тексте средневековым болгарским и сербским административно-финансовым и другим терминам (таким, как престой, погон, оброк и др., а также заимствованным из византийской феодальной системы, среди которых можно назвать пронию, «ексод», «ексалимо», «ексоприк», комодь и т. д.). Впрочем, именно в связи с этими воспринятыми в средневековой Сербии и Болгарии терминами и институтами византийского происхождения, на наш взгляд, необходимы определенные уточнения и дополнения к тем положениям, которые высказаны в статье В. А. Мошина и в комментарии к грамотам монастыря св. Георгия. Нельзя признать правомерным наименование Драготина «места» в с. Речице — *пронией* феодала Драготы (с. 132, 135, 160), поскольку в тексте хрисовула Милутина эти земли совершенно четко названы «царской пронией», т. е. именем императорского фонда (см. с. 225)². Остается спорным и отождествление «войничского закона» (т. е. прав мелких вассалов монастыря) со статусом византийских и сербских проиаров (с. 226). Вместе с тем нам хотелось бы предложить несколько иное прочтение одного из византийских фискальных терминов, встречающихся в двух грамотах монастыря св. Георгия (а также — в двух болгарских грамотах: Ватопедской и Ореховской), а именно *οικονομίδιον*. Как известно, обычно в литературе принято считать «οικονομίδιον» соответствующим терминам «комодь» и «комад» (в названных болгарских и сербской грамотах)³, однако, по нашему мнению, в наличных публикациях, а также в рецензируемой книге, издателями не обратили внимание на то, что «οικονομίδιον» встречается лишь в перечислении привилегий экскуссата, в длинном перечне налогов, названных в родительном падеже (т. е. «ни комода» и т. д.). В именительном падеже этот термин фигурирует лишь один раз — в Ватопедской грамоте, где в действительности (как видно по фотографии) его следует читать иначе — т. е. «икомодь» (буква «и» находится на стиге и отчасти стерлась)⁴. Такое чтение этого термина находит соответствие и в аналогичном термине южнославянских актов (т. е. греческий «эконом» был переведен именно как «икконом» — см. в указателе терминов к т. 1).

Другой важный комплекс византийских и сербских актов (конца XII—конца XIV вв.), помещенный в первом томе данной серии (с. 251—377), связан с историей земельных владений Хиландарского монастыря и его метохов, расположенных в Скопской области (в особенности — монастыря св. Никиты к северу от Скопье и кельи Петки в с. Тморане). Первые хиландарские грамоты (конец XII—конец XIII вв.) приведены здесь в виде регестов, тогда как все остальные документы (хрисовулы императоров Андроника II, Михаила IX, Андроника III, королей Милутина и Душана, как и решение серрского церковного суда от 1388 г., напечатаны полностью, причем греческий текст сопровождается современным или (как это совершенно правильно сделано для грамоты Андроника II Хиландарю от января 1299 г.) средневековым переводом. Следует в данной связи подчеркнуть, что такое научное издание этого весьма сложного комплекса актов, включающих и не дошедшие до нас целиком, и сводные (с интерполяциями и фальсификатами) грамоты, стало возможным в результате длительных источниковедческих исследований В. А. Мошина. Так, он сумел показать необходимость уточнения датировки хрисовула Михаила IX монастырю св. Никиты (см. с. 286—287), тщательной проверки текста так называемой «Общей хиландарской грамоты» и разграничения ее составных частей (В. А. Мошин предлагает датировать эту сводную грамоту ок. 1303 г., см. с. 297 и сл.), равно как и разграничения составных частей в переводе грамоты Андроника II монастырю св. Никиты, содержащей немаловажные интерполяции (см. с. 317—319). В соответствии с этим необходимы определенные уточнения и при анализе истории владений Хиландаря и его отношений с дворами Византии и Сербии. Завершают том очерки о монастыре Андряш, церкви Спаса (в с. Кучевиште) и Марковом монастыре и публикация кодекса монастыря Матки.

Е. П. Наумов

² Ср. Наумов Е. П. К истории византийской и сербской пронии. — ВВ, 34, 1973, с. 24—25.

³ Ср., например: Ласкарис М. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930, с. 5, 42—43.

⁴ Там же (прил.). Ср. «икомоде» Хиландарского практика 1300 г. (ВВ, XIX, 1915, с. 578, ст. 388).